

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

и ЖИЗНЬ

№ 25.

1910

Е. В. Гельцеръ и А. Е. Валининъ.

(Къ балетнымъ гастроямъ за границей.)

МОСКВА

— Нѣтъ, прїѣхаль работать... Пишу пьесу...

— Здѣсь работать плохо... Въ Крымъ надо прїѣзжать пить вино, ѣсть виноградъ, наслаждаться жизнью, такъ сказать... Любоваться моремъ, природой... Вообще, отдыхать...—весело смотря на меня, съ лукавой улыбочкой, говорилъ Антонъ Павловичъ.

— А вы давно здѣсь?—спросилъ я.

— Давно... Я въ первыхъ числахъ мая думаю уѣзжать отсюда...

— Отъ такой-то благодати!.. Куда же?

— Въ Москву надо... Тамъ жена... А оттуда за границу... Доктора посылаютъ... Ничего не подѣлаешь. Да и мнѣ самому хочется побывать еще за границей... Перваго уѣду... А вы что же не заѣдете ко мнѣ въ Аутку?.. Тутъ недалеко...

— Очень хотѣлъ, Антонъ Павловичъ, побывать у васъ, да боялся васъ беспокоить... Надоѣли, поди, вамъ визитеры...

— Нѣтъ, вы прїѣзжайте... Поболтаемъ, старину вспомнимъ...

Я пообѣщаль на-дняхъ заѣхать къ Антону Павловичу, и мы распрощались.

Вскорѣ послѣ моей встрѣчи на набережной съ А. П. Чеховымъ, на улицахъ Ялты появились широко-вѣщательныя афиши. Прїѣзжая изъ Севастополя труппа давала въ Ялтинскомъ театрѣ спектакль. Шель „Вишневый садъ“ Чехова.

На афишахъ крупнымъ шрифтомъ было напечатано, что пьеса будетъ поставлена по образцу постановки Художественнаго театра, подъ наблюдениемъ самого автора.

Я только что видѣлъ, Великимъ постомъ, въ Петербургѣ, „Вишневый садъ“ въ постановкѣ Станиславскаго. Любопытно было посмотреть, что за постановку, „по образцу Художественнаго театра“, дадутъ провинціальныя актеры и режиссеры.

Я взялъ билетъ и къ восьми часамъ отправился въ театръ.

Прошелъ часъ, полтора, спектакля не начинаютъ. Публика ропщетъ. Какія-то закулисныя кумушки распространяютъ, слухи что ждуть автора. Въ публикѣ—волнение.

Около десяти часовъ, наконецъ, открыли занавѣсъ.

Убогія, рваныя декорации. Жалкая обстановка. Нѣсколько вѣскихъ стульевъ. Рыночный, очевидно, взятый на прокатъ, новенькій, „платяной“ шкафъ. Въ окнѣ, обсыпанная крупно нарѣзанной бумагой, вѣтка, долженствующая изображать собой— вишневый садъ.

Заурядная обстановка захолустнаго, провинціального театра.

Вся „постановка по образцу Художественнаго театра“ выразилась въ томъ, что за сценой помощникъ режиссера, во время хода пьесы, не переставая, свисталь, каркаль, куковаль, трещаль, квакаль, пищаль, заглушая птичьими и лягушечьими голосами рѣчи актеровъ.

Не могъ онъ только, какъ ни старался, заглушить суфлера, который, буквально, вылъзаль изъ будки, подавая артистамъ текстъ пьесы.

Суфлеръ покрываль своимъ хриплымъ басомъ и голоса актеровъ, и пѣніе птицъ, и кваканье лягушекъ.

Получалось что-то невѣроятно дикое. Актеры, плохо слыша суфлера, метались по сценѣ растерянные, оглушенные звуками „пробуждающейся природы“. Не зная ролей, они немилосердно перевирали текстъ, путались, дѣлали нелѣпыя паузы, яко бы „переживали настроеніе“.

Актеръ, игравшій Гаева, напоминаль своимъ видомъ, костюмомъ приказчика изъ аптекарскаго магазина. Двѣ артистки, изображавшія Раневскую и Аню,

Двѣ послѣднія встрѣчи съ Акт.

Пав. Чеховымъ.

Евт. П. Карпова.

(Окончаніе *).

II.

Весной, въ концѣ апрѣля 1904 г., гуляя по набережной Ялты, я встрѣтился съ Антономъ Павловичемъ.

Южное, горячее солнце, синее море, чудный мягкій воздухъ Крыма, видимо, благотворно подѣйствовали на его здоровье. Онъ точно помолодѣлъ, загорѣлъ, пополнѣлъ. Глаза веселые. Совѣтъ молодецъ молодцомъ. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, до того онъ поправился.

— Какимъ молодцомъ вы смотрите!.. Просто превосходно!—сказаль я, пожимая его руку.

— Это со мной бываетъ... днями... — застѣнчиво улыбаясь, отвѣтилъ Антонъ Павловичъ. — А вы прїѣзжайте сюда... замаялись за сезонъ, поди?

Театральная

См. № 24 „Рампа и Жизнь“.

спд.spb.ru

картавили, грассировали, шепелявили, проглатывали цѣлыя фразы, куда-то торопяся и снуя по сценѣ, какъ угорѣлыя кошки.

Публика, наполнившая театръ сверху донизу, видимо, неумоѣвала. Изъ заднихъ рядовъ порой слышались голоса: „Громче!.. Чего?.. Неслышно!.. Суфлеръ, не ори!.. Птица, тише!..“ и т. п.

Мнѣ было больно и стыдно за Чехова.

Послѣ третьяго акта я ушелъ изъ театра съ голодной болью, раздосадованный и возмущенный.

Вскорѣ послѣ этого знаменательнаго спектакля я поѣхалъ въ Аутку къ Антону Павловичу, рѣшивъ ни слова не говорить о спектаклѣ „Вишневаго сада“.

Антонъ Павловичъ радушно принялъ меня въ уютномъ кабинетѣ, со стѣнъ котораго грустно смотрѣли чудныя, полная глубокаго настроенія картины Левитана.

Чехову, видимо, нездоровилось. Онъ пожималъ плечами, нервно потиралъ руки и часто покашливалъ. Не успѣли мы сказать двухъ словъ, какъ Антонъ Павловичъ заговорилъ о спектаклѣ.

— Мнѣ передали, что вы были на „Вишневомъ садѣ“?... не глядя на меня, спросилъ Антонъ Павловичъ.

— Да...

— Каково исковеркали!.. Безобразіе! Еще написали на афишѣ, что играютъ подлѣ моихъ наблюдений... А я ихъ и въ глаза не видаль... Возмутительно! Они всѣ хотятъ обезьянничать Художественный театръ... И совершенно напрасно... Тамъ вся эта сложная постановка достигается неимовернымъ трудомъ, затратой громаднаго количества времени, любовнымъ отношеніемъ ко всякой мелочи... Изъ это можно... А они тутъ столько звуковъ, говорятъ, напустили, что весь текстъ пропалъ... Половины словъ не было слышно... И тамъ-то, въ Художественномъ театрѣ, всѣ эти бутафорскія мелочи отвлекаютъ зрителя, мѣшаютъ ему слушать... Заслоняютъ автора... А ужъ здѣсь... представляю себѣ, что это было... Знаете, я бы хотѣлъ, чтобы меня играли совсѣмъ просто, примитивно... Вотъ, какъ въ старое время... Комната... На авансценѣ — диванъ, стулья... И хорошіе актеры играютъ... Вотъ и все... Чтобы безъ птицъ и безъ бутафорскихъ настроений... Очень бы хотѣлъ посмотреть свою пьесу въ такомъ исполненіи... Интересуетъ меня, провалилась бы моя пьеса?... Очень это любопытно!.. Пожалуй, провалилась бы... А, можетъ быть, и нѣтъ... Кто знаетъ... Театръ — обманчивая штука... Не поймешь... И завлекательная и противная въ одно и то же время.

Антонъ Павловичъ увлекся темой. Онъ заговорилъ о театрѣ вообще, о его задачахъ, объ артистахъ, о Свободнѣ въ графѣ, о Коммисаржевской въ „Чайкѣ“, о В. Н. Давыдовѣ въ „Ивановѣ“, объ исполненіи его пьесъ въ Художественномъ театрѣ... О томъ, какъ онъ рисовалъ себѣ дѣйствующихъ лицъ своихъ пьесъ и какъ ихъ понималъ и изображали артисты.

— Вотъ хотя бы „Вишневый садъ“... Развѣ это мой Вишневый садъ?... Развѣ это мои типы?... За исключеніемъ двухъ-трехъ исполнителей,— все это не мое... Я пишу жизнь... Это сѣренькая, обывательская жизнь... Но, это не нудное нытье... Меня то дѣлаютъ плакшой, то, просто, скучнымъ писателемъ... А я написалъ нѣсколько томовъ веселыхъ разсказовъ... И критика рядить меня въ какія-то плакальщицы... Выдумываютъ на меня изъ своей головы, что имъ самимъ хочется, а я этого и не думаю, и во снѣ не видаль... Меня начинаютъ звать то...

Антонъ Павловичъ разволновался и сильно закаш-

Къ балетнымъ гастролямъ за границей.

Г-нъ Фокинъ.

— Андреевъ здѣсь, въ Крыму... Елпатьевскій... Скиталець...

— Какой надменный видъ у Скитальца... Совсѣмъ испанскій дворняжикъ какой-то шагаетъ по Набережной...—сказалъ я.

— Это его манера держаться... А онъ чудесный, простой малый... Совсѣмъ простой, добрякъ и скромный... И талантливый... Его „Октава“—хорошая вещь... А надменнымъ его дѣлаетъ, плащъ, желтые штиблеты, шляпа и пенсне... А по душѣ онъ совсѣмъ простой...

Мы заговорили о современной литературѣ.

— Наши критики все кричатъ объ оскуднѣи литературы... Все это старческаго ворчливости и ничего больше... Напротивъ, теперь появилось много талантливыхъ, молодыхъ писателей. Намъ нечего унывать.

Антонъ Павловичъ съ увлеченіемъ говорилъ о Горькомъ, Андреевѣ, Купринѣ, о новыхъ теченіяхъ въ литературѣ. Онъ отрицательно относился къ декадентамъ, называя ихъ неискренними кривляками, бессмысленными подражателями иностраннымъ писателямъ.

Ни къ селу, ни къ городу — они въ русской литературѣ... Ни будущаго у нихъ нѣтъ, ни прошлаго... Какіе-то висячіе въ воздухѣ люди, эти російскіе Метерлинки... Но они скоро пропадутъ, переработаются... А Горькій, Андреевъ, Купринъ останутся въ исторіи литературы. Ихъ долго будутъ читать...

Горькаго Антонъ Павловичъ очень цѣнилъ, какъ беллетриста.

— Талантливый, сочный писатель... Зачѣмъ только

онъ пьесы пишетъ?.. Совсѣмъ это не его дѣло... Хотя „На днѣ“ очень хорошая вещь, но вѣдь это не драма... Въ повѣсти „На днѣ“ была бы куда лучше, полнѣй, выпуклѣй... Горькому надо повѣсти писать, а не драмы... А впрочемъ онъ тоже можетъ сказать про меня... Какой я драматургъ, въ самомъ дѣлѣ... Но, театръ увлекаетъ, засасыпаетъ человѣка... Ничего не подѣлаешь,—тянетъ и тянетъ... Я нѣсколько разъ давалъ себѣ слово, что буду писать только повѣсти, а не могу... Какое-то влеченіе къ сценѣ... Ругаю театръ и не люблю, и люблю его... Да, странное чувство... Вотъ и Андреевъ началъ писать пьесы... Всѣ тамъ будемъ!..—сказалъ Чеховъ, мило улыбаясь.

Мы незамѣтно, за чайкомъ, проболтали часа два.

Антонъ Павловичъ оживился, вспоминалъ свое пребываніе въ Петербургѣ, спрашивалъ меня о знакомыхъ литераторахъ и артистахъ. Тонко, подчасъ и зло характеризовалъ двумя-тремя словами общихъ знакомыхъ, приводилъ курьезные приемы творчества драматурговъ и беллетристовъ, рассказывалъ смѣшные эпизоды изъ жизни литературной божемы, копировалъ игру актеровъ. И во всемъ этомъ, рядомъ съ остроуміемъ, съ юморомъ, было столько добродушія, столько любви къ русской литературѣ и пишущей братіи...

Я попрощался, Антонъ Павловичъ вышелъ проводить меня на крыльцо.

Завидя Антонъ Павловича, къ намъ важно подошелъ журавль.

— Хорошій народъ журавли... Вотъ этотъ, какъ завидитъ меня, такъ и бѣжитъ... Любитъ меня... Жалко мнѣ его покидать... Завтра уѣзжаю... Прощайте!

— А моря, вашей дачи, Аутки не жалко?..

— Нѣтъ... Здѣсь постоянно жить скучно... Я чувствую себя здѣсь, какъ въ ссылкѣ...

На другой день Антонъ Павловичъ уѣхалъ въ Москву.

16 іюля, въ деревнѣ, гдѣ я жилъ, была получена телеграмма, что Антонъ Павловичъ скончался за границей...

Ев. Карповъ.